

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ И НОРМАТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ НА РОЖДАЕМОСТЬ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

КЛУПТ Михаил Александрович – доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия (klupt@mail.ru).

Аннотация. В статье анализируются причины, по которым меры стимулирования рождаемости в Японии и Южной Корее – обществах, где интересы семьи издавна ставились выше интересов индивида, стали осуществляться позднее и дали меньший эффект, чем в скандинавских странах и России, где сильны патерналистские традиции в отношениях государства и семьи. Теория множественных современностей и институциональный подход создают лучшую основу для объяснения различий в динамике рождаемости в фамилистских и патерналистских обществах, чем концепция второго демографического перехода. Перенос паттернов лояльности семье в корпоративную сферу способствовал экономической и технологической модернизации Японии и Южной Кореи, но в то же время негативно повлиял на рождаемость в этих странах. В современной России семейная солидарность продолжает играть важнейшую роль в жизнедеятельности общества, однако сама по себе уже не может обеспечить приемлемый уровень рождаемости и требует дополнения демографической политикой, открыто заявляющей повышение рождаемости своей целью. Резервом повышения эффективности мер демографической политики в России является их своевременная адаптация и локальная привязка к меняющимся и разнообразным потребностям семей с детьми.

Ключевые слова: семья • семейная политика • рождаемость • фамилизм • государственный патернализм • межстрановой сравнительный анализ

DOI: 10.31857/S013216250008812-6

Предметом данной статьи являются два парадокса, неразрывно связанные с вариативностью модернизационных процессов в современном мире. Первый заключается в том, что самые низкие уровни рождаемости в развитом мире наблюдаются сегодня в обществах, где интересы семьи традиционно обладали приоритетом над интересами личности, а в определенные исторические периоды – и государства. Второй – в контрасте между наращиванием государственных мер поддержки семьи, общим для большинства стран развитого мира, и специфичных ответах рождаемости на эти меры, варьирующих от страны к стране в весьма широком диапазоне. Опираясь на анализ институциональной специфики обществ различного типа, попытаемся осмыслить данные парадоксы и высказать на этой основе ряд соображений, касающихся демографической и семейной политики в России.

Фамилистские и патерналистские общества. В 2017 г. Южная Корея занимала среди стран ОЭСР последнее (36-е) место по величине суммарного коэффициента рождаемости (далее СКР), а Испания, Италия и Япония находились лишь немногим выше – на 34-м, 33-м и 28-м местах¹. За полвека до этого все четыре страны представляли собой примеры всеобъемлющего фамилизма, а его черты прослеживаются и сегодня.

В современной научной литературе используется несколько различных, хотя и пересекающихся между собой определений понятия «фамилизм». Согласно одному из них, фамилизм представляет собой систему ценностей, в иерархии которых высший приоритет отдается семье и детям [Антонов, 1998]. Если в работах А.И. Антонова фамилизм

¹ URL: <https://data.oecd.org/pop/fertility-rates.htm#indicator-chart> (дата обращения: 11.12.2019).

сопряжен с положительными коннотациями, то в ряде других исследований эти коннотации по меньшей мере неоднозначны. Отмечается, например, что высший приоритет семьи в ценностях индивида вполне сочетается с безразличием ко всему, что находится за ее пределами. Первоначально о подобном «аморальном фамилизме» отсталого в то время итальянского Юга писал Э. Банфилд [Banfield, 1958: 10]. Позднее П. Гинзбург назвал фамилизмом «специфическую систему отношений между семьей, обществом (и, если оно существует, гражданским обществом); формой, при которой ценности и интересы семьи противопоставляются любым другим важным аспектам человеческого общежития» [Ginsborg, 2003: 97]. Гинзбург, в отличие от Банфилда, считавшего фамилизм признаком отсталого и преимущественно аграрного общества, полагает, что фамилизм присущ и современной, высокоурбанизированной Италии. Если оба названных автора акцентируют внимание на безразличии ко всем интересам, кроме семейных, то К. Сарачено, напротив, говорит о «фамилизме без поддержки» (*unsupportive familialism*), возникающем тогда, когда государство и общество не помогают семье в заботе о детях, пожилых и нуждающихся в помощи, считая это исключительно семейным делом [Saraceno, 2016: 316].

Несмотря на то что каждое из приведенных определений в какой-то мере односторонне, их совокупность достаточно полно характеризует столь комплексный социальный феномен, как фамилизм. На наш взгляд, неправомерно трактовать его исключительно в терминах добра и зла. Представляя собой феномен, глубоко коренящийся в истории и культуре определенного типа обществ, как и все феномены подобного рода, видоизменяясь, он не исчезает полностью и продолжает оказывать влияние на современную жизнь. Это проявляет себя в солидарности поколений семьи, высокой значимости сыновнего, дочернего, родительского и супружеского долга в сфере индивидуальных и общественных ценностей, значительной роли семейных фирм и клановых связей в экономике, политической семейственности и сочетании официальных идеологических дифирамбов семье с ее крайне скудной материальной поддержкой со стороны государства. Последняя из названных характеристик в XXI в. стала, как мы покажем ниже, менее выраженной, но до сих пор не исчезла полностью. Далее мы будем называть общества, в высокой степени обладающие всеми перечисленными чертами, *фамилистскими*.

Исторически слабость государства и центральная роль семейных связей в фамилистских обществах были тесно взаимосвязаны – там, где индивид не мог рассчитывать на защиту государства, ему оставалось целиком полагаться на поддержку клана и семьи. Свою роль играли и религиозно-культурные факторы. В католических странах Южной Европы материальная поддержка семьи из государственных фондов была незначительной. В то же время государство и церковь хотя и боролись за духовное влияние на семью (в вопросах образования, регистрации брака и т.д.), но рассматривали ее как один из незыблемых устоев общества и, в отличие от СССР в 1920–1930-е гг. и маоистского Китая, никогда не считали институтом, ослабляющим политическую монополию государства.

В конфуцианской традиции, оказавшей значительное влияние на Корею и Японию, высшей добродетелью считается сыновняя почтительность. Ныне здравствующие поколения и предки, почитание которых характерно для восточноазиатских обществ, рассматриваются как составные части единой семьи, непрерывно длящейся в веках. Даже в 2006 г., на весьма продвинутой стадии модернизации, утверждение о том, что интересы семьи следует ставить выше личных, поддерживали 79% населения в Южной Корее и 50% в Японии, а 74% южнокорейских и 40% японских респондентов полагали, что «дети обязаны стараться сделать что-нибудь, что принесет добрую славу их родителям» [Ochiai, 2011: 238].

Используя в качестве критериев сравнения доминирующие нормативные представления о семье и ее взаимоотношениях с государством, а также тесно связанные с ними масштабы социальных трансфертов семье, можно противопоставить фамилистским общества с выраженными патерналистскими традициями. Ярким примером последних являются социал-демократические (по классификации Г. Эспинг-Андерсена) государства всеобщего благосостояния в Северной Европе. Шведские социал-демократы, находясь у власти,

настаивали, например, на том, что детские дошкольные учреждения должны быть непременно государственными, ибо их главная задача – воспитать достойных членов общества. С приходом в 1991 г. к власти в Швеции правых партий запрет на создание частных детских садов был снят, однако они по-прежнему менее распространены по сравнению с государственными [Earles, 2011: 185]. Добавим к этому, что при всех очевидных отличиях скандинавского капитализма от социализма советского образца обоим свойствен государственный патернализм, воспринимаемый населением (в Швеции в терминах «народного дома», а в СССР – «отеческой заботы партии и правительства») как неотъемлемая часть общественного договора. Его экономической основой служило широкомасштабное перераспределение доходов через государственный бюджет, открывавшее, при наличии политической воли, путь значительным по размеру социальным трансфертам семье.

Скандинавская модель семейной политики и ее импорт в Восточную Азию. Североевропейские государства всеобщего благосостояния столкнулись с проблемой снижения рождаемости на десятилетие раньше, чем фамилистские общества. В Финляндии и Швеции СКР начал опускаться ниже отметки простого воспроизводства уже во второй половине 1960-х гг., тогда как в Италии и Японии – в середине 1970-х гг., а в Испании и Южной Корее – в начале 1980-х гг. Скандинавские страны отреагировали на это принятием ряда мер, направленных на повышение рождаемости, значительно раньше, чем государства с сильными фамилистскими традициями.

В Швеции в 1986 г. принята правовая норма, согласно которой при оплате отпуска по уходу за ребенком в случае, когда интервал между рождениями не превышает двух с половиной лет, ее размер определялся исходя из величины дохода до предыдущего рождения. Эта «премия за скорость» значительно увеличила частоту вторых рождений [Andersson, 1999], а вместе с ней и СКР, выросшего с 1,63 в 1981 г. до 2,13 в 1990 г. В 1990-е гг. значения данного показателя снизились до 1,50 в 1999 г. Иногда такое снижение называют хрестоматийным подтверждением того, что меры экономического стимулирования рождаемости могут иметь лишь краткосрочный эффект. Подобное объяснение, однако, представляется неполным, поскольку не учитывает того, что в 1990-е гг. Швеция пережила тяжелый экономический кризис, во время которого уровень безработицы вырос с 1,6% в 1989 г. до 9,9% в 1997 г.²

В 1995 г. в Швеции введена «отцовская квота» – правом получить один месяц оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком обладали только отцы, если же они его не использовали, данная часть отпуска не доставалась никому. В 2016 г. длительность отпуска, которым может воспользоваться только один из родителей, увеличена до 90 дней³. В Норвегии четырехнедельная отцовская квота была введена в 1993 г. и с 2018 г. составляла 5 недель, в Финляндии – 36 дней⁴.

Эволюция семейной политики в странах Восточной Азии была иной. В ходе послевоенной экономической модернизации Японии и Южной Кореи государство избегало масштабных социальных трансфертов семье и ограничивалось ролью охранителя моральных семейных устоев. Хотя к 1990 г. южнокорейский среднедушевой ВВП (ППС) составлял уже более 40% от шведского, разрыв в доле государственных расходов на семейные пособия в ВВП был разительным – 0,03% в Южной Корее и 4,04% в Швеции. Япония, в 1980-е гг. вошедшая в число наиболее мощных экономик мира, отставала по значению данного показателя (0,36% в 1990 г.) от Швеции более чем в десять раз (табл.).

² URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LRHUTTTTSEA1565> (дата обращения: 11.12.2019).

³ URL: <https://www.thenewbieguide.se/just-arrived/register-for-welfare/parental-leave/> (дата обращения: 11.12.2019).

⁴ URL: https://apolitical.co/solution_article/norways-daddy-quota-means-90-of-fathers-take-parental-leave/ (дата обращения: 11.12.2019); URL: <https://www.infofinland.fi/en/living-in-finland/work-and-enterprise/employee-s-rights-and-obligations/family-leave> (дата обращения: 11.12.2019).

Таблица

Некоторые характеристики семейной политики в патерналистских и фамилистских обществах

	Доля государственных расходов на пособия семьям, в % к ВВП			Приведенная длительность ¹ (недель) оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, доступного	
	1990	2007	2015	матерям ²	отцам ³
<i>Скандинавские патерналистские общества</i>					
Норвегия	2,69	2,85	3,38	45	9,8
Швеция	4,04	3,20	3,54	35	10,9
<i>Фамилистские общества развитых стран</i>					
Испания	0,31	1,30	1,36	16	2,1
Италия	0,87	1,33	2,49	25	0,4
Южная Корея	0,03	0,60	1,43	36	30,4
Япония	0,36	1,26	1,61	25	17,2

Примечания. ¹ Произведение длительности оплачиваемого отпуска на отношение его оплаты к предшествующим доходам. Данный показатель характеризует юридические нормы и не отражает фактического использования права на данный отпуск.

² Материнский отпуск и родительский отпуск, не зарезервированный исключительно за отцами.

³ Оплачиваемый отцовский отпуск и оплачиваемый родительский отпуск, зарезервированный исключительно за отцами.

Источники: [Chzhen et al., 2019: 6]; URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm>, table PF1.1 (дата обращения: 11.12.2019).

Другой особенностью японского и южнокорейского обществ была значительно большая по сравнению с развитыми европейскими странами продолжительность рабочего дня мужчин. Бурный рост экономики Японии до начала 1990-х гг. во многом основывался, например, на пожизненном найме, при котором «вторая семья» – корпорация – требовала от работников (в подавляющем большинстве мужчин) столько времени и сил, что их почти не оставалось на домашние заботы, целиком ложившиеся на плечи женщин. Детские дошкольные учреждения практически отсутствовали. Это, в совокупности с быстро нарастающей занятостью женщин на производстве, повлекло за собой резкое снижение рождаемости, но оно до определенной поры не вызывало беспокойства ни у властей, ни у общества. Понимание того, насколько сложно переформатировать общество, в котором «фамилизм сверху» сочетается с «фамилизмом снизу» и к тому же дополняется воспроизведением паттернов лояльности семье на корпоративном уровне, пришло позднее.

Японские медиа иногда называют переломным моментом, привлечшим всеобщее внимание к проблеме низкой рождаемости в стране, «шок 1,57», именуемый так по величине СКР, до которого снизилось значение этого показателя в 1989 г. Медийный эффект был усилен падением СКР ниже уровня 1966 г., года огненной лошади, резкий спад рождаемости в котором обуславливался японским поверьем: женщины, рожденные в такой год, приносят своим мужьям несчастье. В 1994 г. в Японии принят план «Ангел» (Angel Plan), направленный на повышение рождаемости, вслед за ним «Новый Ангел План» и «Третий план против понижения рождаемости», охватывающий период до 2019 г. [Population..., 2019: 57]. В Южной Корее начиная с 2006 г. приняты три последовательных пятилетних плана «повышения рождаемости в стареющем обществе» [Seung, 2019].

Одним из предвыборных обещаний Демократической партии Японии, победившей на парламентских выборах 2009 г., было введение отцовской квоты по образцу стран Северной Европы [Toivonen, 2007: 32]. В XXI в. Япония и Южная Корея стали мировыми лидерами по показателю приведенной длительности отцовского отпуска по уходу за ребенком – произведению продолжительности отпуска, на которое юридически имеет право отец ребенка, на долю дохода, сохраняемую при уходе в отпуск. В Японии значения данного

показателя составили в 2016 г. 30,4 недели, в Южной Корее – 17,4 недели – заметно больше, чем в Швеции – 10,9 и Норвегии – 9,8 [Chzhen et al., 2019: 6]. Кроме того, в Японии оплачиваемый родительский отпуск в случае, если отец воспользовался правом на него, увеличивается с 12 до 14 месяцев.

Реальное положение дел оказалось, однако, принципиально иным, чем это предусматривали юридические установления. Если в Швеции после введения отцовской квоты ею стали пользоваться 90% отцов [Albrecht et al., 2017: 50], то в Японии в 2007 г. отцовский отпуск использовали только 1,56% отцов, имевших на это право, в 2017 г. – 5,14% [Chzhen et al., 2019: 10], в Южной Корее оценки данного показателя варьируют в интервале от 4,5% в частном секторе экономики до 5,2% в государственном и муниципальном [OECD, 2016: 14, 15].

Новая семейная политика восточноазиатских государств не принесла существенных демографических результатов. В Японии произошло лишь незначительное повышение рождаемости – СКР, составлявший 1,26 в 2005 г., стабилизировался в 2010-е гг. на уровне 1,4. В Южной Корее снижение рождаемости продолжилось до беспрецедентно низкого уровня 1,05 в 2017 г. и, по предварительным оценкам, 0,97 в 2018 г. Приоритет семейных интересов над индивидуальными по-прежнему признается большинством южнокорейских респондентов [Ochiai, 2011: 238], однако семья в результате этого начинает рассматриваться как бремя, а не как жизненное благо. Южнокорейские исследователи, рассматривая эту ситуацию сквозь призму концепций индивидуализации и общества риска, характеризуют современное демографическое поведение южнокорейских женщин как стратегию избегания рисков, следствием чего и являются позднее вступление в брак и низкая рождаемость [Chang, Song, 2010]. Одним из следствий этого является популярность «импорта невест» из экономически менее развитых азиатских стран – в 2018 г. «международные» браки составляли в Южной Корее 8,9% от их общего числа, в 73,1% случаев это были браки корейских мужчин с женщинами-иностранками⁵.

История отцовских квот далеко не закончена, но уже сейчас дает богатую почву для теоретических и практических выводов. Во-первых, она свидетельствует о том, что цели семейной и демографической политики скорее дополняют друг друга, нежели полностью совпадают. Отцовская квота, судя по имеющимся данным, не приводит к росту рождаемости, да и не нацелена на него. Главная задача отцовских квот носит «качественный», а не «количественный» характер и состоит в создании более благоприятных условий для родительства – как материнства, так и отцовства.

Во-вторых, тенденция к конвергенции семейной политики, характерная для современного мира, в ряде случаев вступает в противоречие с его сохраняющимся социально-культурным разнообразием. «Внедрение сверху» отцовских квот в институциональную ткань не готовых принять эту меру обществ оказывается, как свидетельствует пример Японии и Южной Кореи, малоэффективным. В то же время подобное «отторжение» отцовских квот не является общей чертой всех фамилистских обществ. В Испании двухнедельным отпуском, резервируемым исключительно за отцом, воспользовались в 2016 г. около 60% имевших на это право отцов [Farré, González, 2017: 2], что, впрочем, может быть связано с краткосрочностью такого отпуска.

В-третьих, трактовка государственного патернализма как архаической формы отношений между государством и обществом, столь характерная для России 1990-х гг., вряд ли оправдана. Расширяющаяся популярность в современном мире отцовских квот, являющихся ярким примером «мягкого» и «подталкивающего» государственного патернализма, свидетельствует, скорее, об обратном.

⁵ URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/11/index.board>, count 1278 (дата обращения: 11.12.2019).

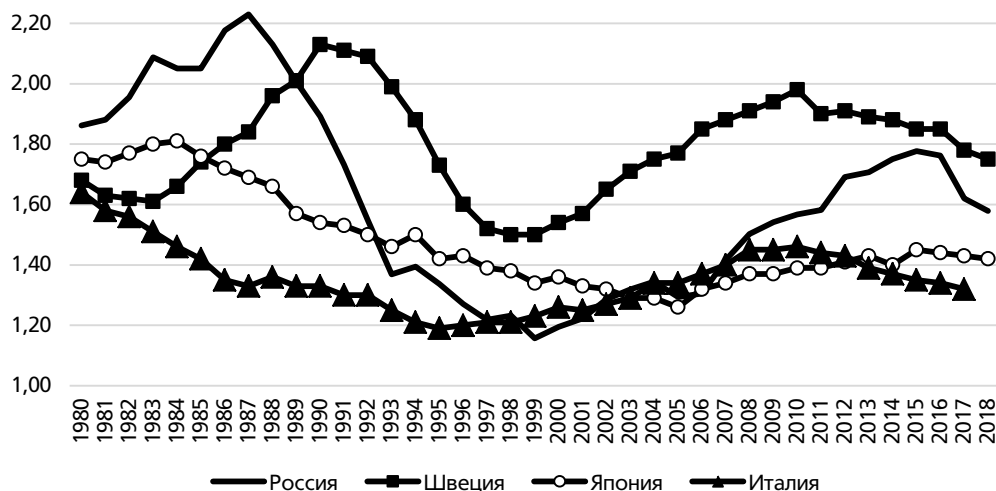

Рис. Динамика рождаемости в России, Италии, Швеции и Японии, 1980–2018 гг.

Источники: URL: <https://data.oecd.org/pop/fertility-rates.htm> (дата обращения: 11.12.2019); http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_tfr.php (дата обращения: 11.12.2019).

Российская рождаемость на фоне скандинавской и восточноазиатской моделей.

Удивительное на первый взгляд сходство траекторий рождаемости в России и Швеции, резкие колебания которых контрастируют с более плавной динамикой рождаемости в Италии и Японии (рис.), имеет свое объяснение. Отчасти такое сходство является случайным: экономический кризис 1990-х гг. в Швеции и трансформационный спад в России совпали по времени, но были вызваны разными причинами. Прослеживаются, тем не менее, и общие черты механизма, генерировавшего сильные колебания СКР в России и Швеции (рис.).

Принятые государством меры стимулирования рождаемости (в России введение в 1981 г. частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, в Швеции в 1986 г. – «премии за скорость») привели к быстрому росту СКР. Этот рост продолжался до наступления экономического кризиса 1990-х гг. в Швеции и трансформационного спада в России, в результате которых произошло как снижение интенсивности рождений, не связанное со структурными сдвигами (так называемый «квантум эффект»), так и откладывание рождений на более поздний срок («темпо эффект»). После того как кризис сменился новым подъемом, растущая интенсивность деторождения, наряду с реализацией ранее отложенных рождений, привела к новому росту СКР. В современной России такой рост был существенно усилен введением с 2007 г. материнского капитала. Затем новые экономические кризисы – в Швеции в 2008–2009 гг., а в России в 2015–2016 гг. – привели к тому, что рождения вновь начали откладываться до лучших времен. Что касается отсутствия негативной реакции СКР на экономический спад в России в 2008–2009 гг., то оно, скорее всего, объясняется эффектом «материнского капитала», который к тому времени еще не был исчерпан.

Данный механизм, таким образом, приводится в действие двумя двигателями – государственными мерами стимулирования рождаемости и чередованием экономических подъемов и спадов. К названным факторам динамики можно, пока лишь предположительно, присоединить и третий – с ходом времени ранее принятые меры начинают восприниматься как привычная черта «социального пейзажа», теряя стимулирующий эффект, и, наряду с этим, появляются новые «тормоза» рождаемости, снять которые можно только с помощью иных, чем ранее, принятых мер.

Подобный механизм наиболее рельефно проявляет себя именно в обществах с сильными традициями государственного патернализма. Сильные колебания СКР характерны

не только для России и Швеции, но и для Норвегии и Финляндии. В Норвегии значения СКР в XXI в. варьировали в диапазоне от 1,98 в 2009 г. до 1,56 в 2018 г., в Финляндии – от 1,87 в 2010 г. до 1,41 в 2018 г.

Для фамилистских обществ, напротив, была характерна более плавная динамика СКР. Государственные меры по стимулированию рождаемости в таких обществах либо отсутствовали (как в странах Южной Европы), либо блокировались нормативными представлениями, господствующими на семейном и корпоративном уровнях (как в случае Японии и Южной Кореи). В результате уровень рождаемости в фамилистских обществах оказывался более низким, а динамика рождаемости – более плавной. В Испании, например, разность между максимальным (1,45 в 2008 г.) и минимальным (1,23 в 2000 г.) значениями СКР в XXI в. была вдвое меньшей, чем в Норвегии и Финляндии, и в 2,5 раза меньшей, чем в России.

Дивиденд гендерной справедливости и рождаемость. Теоретическое осмысление скандинавской модели демографического развития стало основой концепции дивиденда гендерной справедливости (*gender-equity dividend*) [Anderson, Kohler, 2015]. Опираясь на анализ демографического развития скандинавских стран, ее авторы приходят к выводу о том, что равномерное распределение семейных обязанностей приводит к повышению рождаемости. Сохраняя свойственную теориям демографического перехода трактовку истории как последовательности присущих всем обществам фаз, концепция дивиденда гендерной справедливости приходит, однако, к иному прогнозу будущей динамики рождаемости.

Согласно данной концепции, на определенной стадии модернизации происходит обострение конфликта между материнской и профессиональной ролями женщины, вследствие которого рождаемость снижается. Затем, в ходе «гендерной революции» распределение мужских и женских обязанностей в семье становится более равномерным, в результате чего противоречие между семейной и профессиональной ролями женщины сглаживается и рождаемость начинает расти. Таким образом, если согласно теории демографического перехода для стран «догоняющей модернизации» характерна более высокая по сравнению с ее «передовиками» рождаемость, то согласно концепции дивиденда гендерной справедливости, напротив, более низкая. Этим, в соответствии с данной теорией, и объясняется более высокий уровень рождаемости в скандинавских странах по сравнению с Японией и Южной Кореей. Что касается более высокого по сравнению с Германией и Австрией уровня рождаемости в Швеции, то его данная концепция объясняет различиями в семейной политике – хотя все три страны относятся к «передовикам» модернизации, в Швеции семейная политика ориентирована на гендерное равенство в значительно большей степени, чем в немецкоязычных странах.

Концепцию, близкую к названной, предлагают Г. Эспинг-Андерсен и Ф. Билари [Esping-Andersen, Bilari, 2015], которым возможность U-образной динамики рождаемости и ее будущего роста также видится в изменении нормативных представлений о распределении обязанностей мужчин и женщин в семье. После того, как общепринятой нормой становится равномерное распределение этих обязанностей, устанавливается, как полагают исследователи, «новое равновесие», которому соответствует более высокий, чем прежде, уровень рождаемости.

Первые и потому далеко не окончательные результаты эмпирической верификации данных концепций не подтверждают, однако, их прогностические выводы. В 2017 г. в 13 из 15 стран, вошедших в ЕС до 2004 г., т.е., по логике данных концепций, авангарда модернизации, СКР был меньше, чем в 2007 г., последнем перед «великой рецессией». Подобное развитие событий явно не соответствует переходу на восходящую ветвь U-образной траектории рождаемости, предсказываемой концепцией дивиденда гендерной справедливости. При этом в североевропейских странах снижение рождаемости, инициированное «великой рецессией», оказалось не менее сильным, чем в других государствах ЕС-15. Признаков сколько-нибудь существенного роста рождаемости в Японии пока не видно, а в Южной Корее она и вовсе продолжает снижаться.

Развитие событий в последнем десятилетии, похоже, свидетельствует о том, что концепция дивиденда гендерной справедливости переоценивает тесноту связи между распределением обязанностей в семье и рождаемостью и недооценивает значимость внешних по отношению к семейной жизни шоков. «Великая рецессия» и нарастающая прекарность труда в западноевропейских странах, судя по всему, не повлекли за собой сколько-нибудь существенных сдвигов в распределении семейных обязанностей, однако явно негативно сказались на рождаемости.

Множественность модернизаций, институты и внешние шоки. Для современных исследований рождаемости характерен определенный разрыв между теориями демографического развития и анализом семейной и демографической политики. Первые оперируют временными интервалами большой длительности и не стремятся снисходить к краткосрочным изменениям рождаемости, второй, напротив, избегает подниматься в теоретические высоты. Кроме того, подавляющее большинство работ, обобщающих влияние семейной и/или демографической политики на рождаемость, нацелено на некоторую усредненную характеристику такого влияния, например, с помощью регрессионного анализа. Неявной предпосылкой подобного подхода является предположение о высокой степени однородности изучаемой совокупности стран. Между тем анализ страновых кейсов, проведенный выше, свидетельствует об отсутствии однородности как в социальных механизмах, определяющих семейную политику, так и в реакции рождаемости на нее. Попытаемся ввиду сказанного объединить результаты такого анализа в едином концептуальном каркасе.

По мере окончания демографического перехода динамика рождаемости в развитых странах во все большей степени определяется взаимодействием трех основных факторов: институциональной структуры общества; демографической и/или семейной политики; внешних по отношению к демографическому развитию шоков. Современные общества обладают различной институциональной структурой; эти различия весьма устойчивы, поскольку, в конечном счете, являются следствием множественности модернизаций. В силу этого теории, выстраивающие, подобно концепции второго демографического перехода, все общества в одну линию, либо располагающие их, подобно концепции дивиденда гендерной справедливости, на ветвях параболы, дают постоянные прогностические сбои.

Специфика институциональной структуры фаилистских обществ Южной Европы и Восточной Азии, с одной стороны, и патерналистских скандинавских обществ – с другой, определила различия в их семейной политике и реакции рождаемости на нее. Меры государственной поддержки семей с детьми в Японии и Южной Корее были введены значительно позже, чем в странах Северной Европы, а расходы на помощь семье, отнесенные к ВВП, в странах Южной Европы, несмотря на их длительное членство в ЕС, по-прежнему уступают североευропейским.

«Промоутерами» гендерного равенства в Швеции были мощные профсоюзы, опасавшиеся грядущего наплыва мигрантов и стремившиеся компенсировать дефицит рабочей силы путем привлечения в сферу занятости шведских женщин [Kohler, Anderson, 2015: 391]. Роль японских и южнокорейских корпораций, сыгравших решающую роль в экономической и технологической модернизации этих стран, в гендерном плане была диаметрально противоположной. Корпорации требовали от работников-мужчин многочасового труда, выходящего далеко за рамки европейских стандартов, и одновременно рассматривали женщин как преимущественно временную рабочую силу. В результате решительные, казалось бы, действия государства в области семейной политики лишь скользнули по поверхностному слою институциональной структуры, почти не коснувшись ее глубин, и ввиду этого не смогли оказать сколько-нибудь существенного влияния на рождаемость.

Та же закономерность наблюдалась и в воздействии внешних по отношению к демографическому развитию шоков – социально-политических трансформаций 1990-х гг. и экономических кризисов. Реакция рождаемости на них в обществах с сильными традициями патернализма, с одной стороны, и фаилизма – с другой, оказывалась различной. Существенное влияние демографической и семейной политики в обществах с сильными

традициями государственного патернализма приводила к быстрому росту СКР под их воздействием и столь же быстрому их снижению в период кризисов. В фамилистских обществах семейная политика, в силу ее слабости, не оказывала сколько-нибудь сильного влияния на рождаемость, вследствие чего уровень рождаемости оказывался ниже, а флюктуация значений СКР – слабее.

Российское общество по типу реакции рождаемости на меры государственной поддержки семей с детьми и экономические кризисы ближе к скандинавским, чем к южноевропейским и восточноазиатским странам, однако, при некоторых чертах сходства, обладает существенными отличиями. Межстрановый анализ [Comolli, 2017] возлагает вину за снижение рождаемости в странах зарубежной Европы и США, начавшееся после «великой рецессии» 2008–2010 гг., на рост безработицы и неопределенность экономических перспектив. Если динамика первой вряд ли оказала существенное влияние на рождаемость в России, то роль второй после экономического спада 2015–2016 гг. была, вероятно, более значимой. Прекращение с 2015 г. индексации материнского капитала вряд ли сколько-нибудь существенно сказалось на доходах семей, однако сыграло негативную символическую роль, показав, что времена, благоприятствующие рождению детей, уходят в прошлое.

Еще одним фактором, инициировавшим снижение рождаемости в России после спада 2015–2016 гг., стало, вероятно, падение реальной заработной платы. Российский рынок труда, в отличие от западных, традиционно реагирует на кризисы не столько ростом безработицы, сколько снижением реальной заработной платы. Уровень безработицы, определяемый по критериям МОТ, в 2015 г. был в России лишь незначительно выше, чем в 2014 г. (соответственно 5,6 и 5,2%), тогда как реальная зарплата снизилась в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 9%, что вполне могло послужить еще одним стимулом к откладыванию рождений.

Еще более выраженными являются отличия «гендерной идеологии» российского и скандинавских обществ. Не только отцовская квота, но и более гендерно нейтральная мера – право отца воспользоваться отпуском по уходу за ребенком – не пользуется в России популярностью. По данным Фонда социального страхования, охватывающим 39 регионов России, среди воспользовавшихся правом на родительский отпуск по уходу за ребенком доля отцов составляет лишь 2%⁶.

Результаты исследования, проведенного в Санкт-Петербурге, показывают, что число как сторонников, так и противников ухода отцов в отпуск по уходу за ребенком достаточно велико, причем женщины негативно относятся к такому отпуску заметно чаще, чем сами мужчины – соответственно 61,1 и 45,3% [Безрукова, Самойлова, 2017: 118]. Причины этого также восходят к различиям российской и скандинавской модернизации. Отправной точкой эволюции скандинавской семейной политики служила материально благополучная семья с отцом-добытчиком и матерью домохозяйкой. В России же семейные проблемы женщин значительно чаще обуславливались «двойным» (на производстве и дома) рабочим днем, отсутствием или безответственностью отцов, материальными трудностями. Высказывание одной из участниц фокус-группы того же исследования: «Мужик должен работать, в отпуск – ишь чего захотел!» [там же: 120] отражает суть этого накопленного российскими женщинами исторического опыта.

Заключительные замечания. Межстрановый анализ, при всем разнообразии его результатов, позволяет сделать ряд выводов, имеющих прямое отношение к России. Семейная солидарность – фамилизм в одном из его определений, по-прежнему играет огромную роль в демографическом и социальном воспроизводстве населения, но не может «в одиночку» обеспечить приемлемый уровень рождаемости. Дополнение государственной семейной политики демографической политикой, открыто заявляющей своей целью повышение рождаемости, представляется ввиду этого вполне оправданным.

⁶ URL: <https://rg.ru/2019/11/13/kak-izmenitsia-razmer-bolnichnyh-i-dekretnyh-v-2020-godu.html> (дата обращения: 11.12.2019).

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что меры помощи семьям с детьми даже в самых богатых странах рано или поздно упираются в планку ресурсных ограничений. Ввиду этого важнейшее значение приобретает своевременная реструктуризация и локальная привязка таких мер, их постоянная и достаточно быстрая адаптация к потребностям семей с различной структурой, уровнем материальной обеспеченности и представлениями о женских и мужских обязанностях. Востребованность тех или иных мер поддержки варьирует под влиянием экономических подъемов и спадов, места проживания семьи, локальных особенностей занятости и инфраструктуры детских дошкольных учреждений, числа детей, уровня образования и ряда других факторов, которые необходимо постоянно принимать во внимание. По мере насыщения одних потребностей – например в детских дошкольных учреждениях, на первый план неизбежно будут выходить другие – например в льготном ипотечном кредитовании. Все это обуславливает необходимость мониторинга потребности семей в тех или иных мерах государственной поддержки и совершенствования методов его проведения.

Динамика рождаемости определяется не только материальными факторами, но и субъективными оценками происходящего, на формирование которых значительное влияние оказывает медиaprостранство. Стремительный рост интерактивных медиа неизбежно меняет скорость и механизмы распространения таких оценок. Изучение этих механизмов и их использование в семейной и демографической политике представляет собой еще одно важное, но практически не разработанное поле исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. [Antonov A.I. (1998) *Microsociology of the Family (Methodology of Structure and Process Studies)*. Moscow. Nota Bene. (In Russ.)].
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125. [Bezrukova O., Samoylova V. (2017) Paternity Leave in Russia: a Dream or Reality? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 116–125. (In Russ.)] DOI: 10.7868/S0132162517070133.
- Albrecht C., Fichtl A., Redler P. (2017) Fathers in Charge? Parental Leave Policies for Fathers in Europe. *ifo DICE Report*, ifo Institute – Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. Vol. 15. No. 1: 49–51.
- Anderson Th., Kohler H.-P. (2015) Low Fertility, Socioeconomic Development, and Gender Equity. *Population and Development Review*. Vol. 41. No. 3: 381–407.
- Andersson G. (1999) Childbearing Trends in Sweden 1961–1997. *European Journal of Population*. Vol. 15. No. 1: 1–24.
- Banfield E. with the assistance of L. Banfield. (1958) *The Moral Basis of a Backward Society*. Glencoe, IL: The Free Press.
- Chang Kyung-Sup, Song Min-Youn. (2010) The Stranded Individualizer under Compressed Modernity: South Korean Women in Individualization without Individualism. *British Journal of Sociology*. Vol. 61. No. 3: 541–564.
- Chzhen Y., Gromada A., Gwyther R. (2019) *Are the World's Richest Countries Family Friendly? Policy in the OECD and EU*. Florence: UNICEF.
- Comolli Ch. (2017) The Fertility Response to the Great Recession in Europe and the United States: Structural Economic Conditions and Perceived Economic Uncertainty. *Demographic Research*. Vol. 36. Article 51: 1549–1600.
- Earles K. (2011) Swedish Family Policy – Continuity and Change in the Nordic Welfare State Model. *Social Policy and Administration*. Vol. 45. No. 2: 180–193.
- Esping-Andersen G., Billari F. (2015) Re-Theorizing Family Demographics. *Population and Development Review*. Vol. 41. No. 1: 1–31.
- Farré L., González L. (2017) *The Effects of Paternity Leave on Fertility and Labor Market Outcomes*. Universitat Pompeu Fabra Economics Working Paper Series. Working Paper No. 1572. Barcelona.
- Ginsborg P. (2003) *Italy and its Discontents 1981–2001*. London: Penguin.
- Ochiai E. (2011) Unsustainable Societies: the Failure of Familialism in East Asia's Compressed Modernity. *Historical Social Research*. Vol. 36. No. 2: 219–245.

- OECD. (2016) *Background Brief on Fathers' Leave and its Use. Population and Social Security in Japan*. (2019) National Institute of Population and Social Security Research. Working Paper No. 85.
- Saraceno Ch. (2016) Varieties of Familialism: Comparing Four Southern European and East Asian Welfare Regimes. *Journal of European Social Policy*. Vol. 26. No. 4: 314–326.
- Seung Hyun Seo. (2019) Low Fertility Trend in the Republic of Korea and the Problems of its Family and Demographic Policy Implementation. *Population and Economics*. Vol. 3. No. 2: 29–35.
- Toivonen T. (2007) *Is Japanese Family Policy Turning 'Nordic'?* Oxford: University of Oxford.

Статья поступила: 17.12.19. Финальная версия: 09.01.20. Принята к публикации: 03.02.20.

INFLUENCE OF FAMILY POLICY AND NORMATIVE BELIEFS ABOUT FAMILY ON FERTILITY: A COMPARATIVE ANALYSIS

KLUPT M.A.

St. Petersburg State University of Economics, Russia

Mikhail A. KLUPТ, Dr. Sci. (Econ.), Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (klupt@mail.ru).

Abstract. The article analyzes differences in the interrelations between family (or demographic) policy and fertility in familist and paternalist societies. It is argued that explanations of such differences based on multiple modernities theory and institutional approach are more comprehensive and better consistent with the empirical data than those presented by second demographic transition theory. The paternalistic nature of state-family relations caused an earlier launch of pronatalist measures, such as paid maternal leave in Soviet Russia in 1981 and "speed premium" in Sweden in 1986, as compared with Japan and South Korea, in which familism long prevented to implement the similar measures. Besides, in both Russia and Sweden fluctuations of fertility, due to its procyclical changes and jumps in response to pronatalist policy measures, were much stronger than in Southern Europe, South Korea and Japan. Although transmission of family loyalty patterns to corporative sphere strongly contributed to successive economic and technological modernizations of Japan and South Korea, it had a negative effect on fertility. Due to peculiarities of modernization, in Russia, as well as in Japan and South Korea, paternal leaves, unlike the Scandinavian countries, are still not popular. While solidarity of family members continues to play a vital role, it cannot provide for satisfactory level of fertility today and should be supplemented by policy aimed at increase of fertility.

Keywords: family, family policy, fertility, familism, state paternalism, cross-country comparative analysis.

Received: 17.12.19. Final version: 09.01.20. Accepted: 03.02.20.